

СВЯБОТНИИ РАЗГОВОР

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА — САМООТДАЧА

года инженерной работы на Алтае, раздражаемый сомнениями, решил: «Надо рисковать, решаться. Душа все настойчивее зовет в театр. Без него — мука».

А потом был военный Ульяновск 1944 года. Хорошо помню, как торопился я одним морозным днем в театр, чтобы успеть до начала репетиции зайти к Михаилу Леонидови-

вам дорогих? То ли по результату потраченных усилий, то ли просто потому, что характер был интересным.

Прежде всего, это Муса Джагидов в спектакле «Бессмертная песнь» по пьесе Ризы и Шмуратова. Помню, в студенческие годы я посещал секцию молодежной поэзии при Союзе писателей Татарии. Руководил нами невысокий черноволосый молодой человек. Это был Муса Джагидов. Ах, знать бы мне тогда, при каких обстоятельствах придется вторично встретиться с Джагидом!

Отчетливо помню первый спектакль. Я сидел, разгирмировался, когда ко мне постучали. В комнату вошли женщина и девочка лет шестнадцати. Девочка на секунду остановилась, а потом бросилась ко мне на шею: «Папа! Папочка! Я таким помню тебя, когда ты уходил на фронт». Это была дочка Мусы Джагидова Люция.

«Что сыграл Провоторов? Джагидов-поэт или Джагидов-человек? Подобный вопрос звучит надуманно по отношению к сценическому образу Мусы Джагидова. Артист создал живой образ, характер, в котором в счастливой гармонии слились черты поэта и человека».

Таким ли был Джагидов, как его играет Провоторов? Мы не узнаем этого, мы никогда не видели Мусу Джагидова. Его друзья говорят, что он был именно таким».

(Н. Крымова. Журнал «Театр» № 7, 1956 год).

Мне вообще близка в искусстве тема личной ответственности. Платонов в «Океане» нарушает инструкцию, чтобы не сломить судьбы человека, хорошо сознавая, на что он идет. Проследить за нравственным преображением Садовникова в «Единственном свидетеле», который живет удобно и плывет по течению, но неожиданно понимает неприемлемость подобной философии, — значит совершенно отчетливо поставить вопрос все о той же личной ответственности перед обществом.

Необычайно сложна для исполнителя роль ученого Бармина в спектакле «Человек и глобус». У нас в Краснодаре он решался как публицистическое изложение идеи. А надо продержать зрителя в напряжении, чтобы он до конца ощутил высоту нравственного подвига замечательного советского ученого. Актер обязан принести в роль больше того, чем в ней содержится, принести свою личную тему. Для меня она совершенно конкретна — ответственность перед обществом каждого человека.

Давыдова в «Поднятой целине» мне пришлось играть не только на советской сцене. В болгарском городе Плевене группа наших актеров была занята в спектакле местного театра. Мы были покороны зрительским приемом, восприняли его как дань преклонения перед замечательными людьми, осуществившими невиданную в истории социальную революцию.

Николай Сергеевич, судя по сказанному, ваше искусство воссоздает человека с ярко выраженной общественной активностью. Это люди высокого гражданского долга. С пламенным сердцем и четко выраженным коммунистическим мировоззрением. Играть их и интересно, и невероятно сложно одновременно. Но театр жив не только прошлыми и сегодняшними спектаклями. Он идет от жизни, а жизнь, естественно, не стоит на месте, ставят новые вопросы, поэтому как бы много ни было сыграно в прошлом, всегда впереди у актера — главная роль, как у писателя — главная книга.

Что сегодня хотели бы вы сыграть?

Хочется играть не стандартность мышления, контрастные вещи. Я хотел бы получить от драматургов такой материал, чтобы он был многоплановым, исключал бы угадаемость. Такой для меня Гусятников из «Милого старого дома» Арбузова — роль, над которой я сейчас работаю. Гусятников несет объективность мышления, объективный взгляд на вещи.

Антракт позволяет не только актеру подготовиться к очередному сценическому действию, он и зрителя готовит к новому восприятию. А как вы, Николай Сергеевич, проводите своеобразные антракты, которые выпадают между спектаклями?

Как я разгружаюсь? Я с удовольствием беру в руки детские книжки, переключаюсь на литературную работу. Пишу. К слову сказать, моя пьеса «Цыган» ставилась в 83 театрах страны. Меня покорило в повести Калинина человеческое благородство, о нем я и хотел сказать этой пьесой.

Встречаюсь со зрителями. На днях мне довелось долго говорить с учителями края и один вопрос меня, актера, порадовал. Спросили: «Что сделать, чтобы повысить интерес к предмету?».

Увлекаюсь инкрустацией по дереву. Но все это вторично. Главное — театр. А Краснодарский театр — это мой театр, потому что он реалистичен в самом точном значении этого слова. Искусство вообще воссоздает человека. Краснодарский театр воссоздает человека-гражданина, борца, который свое призвание видит в служении социалистическому обществу.

Беседу записала
Л. КИРИЛЮК.

В ДВА ДВА года он впервые встретился с драматургом Погодиным. Сыграл в «Кремлевских курантах» бородатого трамвайщика. А спустя девятнадцать лет в Казань, где работал тогда Николай Сергеевич, пришло письмо, которое хорошо было уже тем, что каждое слово в нем отражало взволнованность, нежность, и в котором замечательный советский драматург Николай Погодин признал, что говорил о сыгранной Николаем Провоторовым роли Ленина в его пьесе «Третья, патетическая» как о чем-то «необыкновенном, неожиданном, человеческом».

Девятнадцать лет — дистанция огромного размера. Но и она должна была вместить в себя время напряженное, насыщенное работой и действием мысли, чтобы в результате привести к подобному духовному взлету. Провоторов больше взял от Ленина, чем другие, и потому больше отдал всем нам. В этом «больше» — суть нравственного подвига Николая Провоторова. Сначала это в полной мере осознали зрители — им адресовал актер свою озаренную светом высокую человечности работу, позже зрительское признание вылилось в правительственное решение — актеру Краснодарского краевого драматического театра имени М. Горького Н. С. Провоторову за создание образа В. И. Ленина в спектакле «Незабываемые годы» по трилогии Погодина и исполнение роли Бармина в спектакле «Человек и глобус» В. Лаврентьева присуждена Государственная премия РСФСР 1971 года.

Среди многих поздравлений, полученных Николаем Сергеевичем, было письмо из Ульяновска. Неизвестная Провоторову учительница Р. Сучкова писала: «До сих пор исполнение актеров сравниваю с вашим исполнением. У вас было все правда».

У вас было все правда... Пожалуй, ни одна искусно написанная театроведческая статья не скажет об актере и актеру больше этих коротких слов. Если что и стоит прибавить к ним, так совсем немного. На сцене и в жизни Провоторов прежде всего руководствуется непреложным правилом — быть человеком. Если это можно назвать одним словом, то это — доброта. Не та абстрактная, вселенская доброта, что стремится обнять человечество, а очень конкретная, мягкая, согревающая. В квартире Николая Сергеевича на стене висит копия с картины Васильева «Мокрый луг». Ее написал Провоторов. Жена актера Лидия Андреевна давно мечтала, чтобы у них в доме жила картина. И однажды, воспользовавшись недолгим отсутствием Лидии Андреевны, Николай Сергеевич потянул на подрамник холст, взял в руки кисть, хотя никогда до этого живописью не занимался.

Провоторов всеми своими поступками убеждает в реальном существовании доброты. Убеждает не словами, а поступками. И, знаете, для подтверждения этого вовсе не нужны дотошные примеры.

Николай Сергеевич, давайте вспомним начало, как в вашу жизнь вошел театр.

Есть ли у нас школа, в которой не нашлось среди десятиклассников Дмитрия Самозванца и гордой Марины Миниш? Где она — та школа, в самостоятельности которой не сыграли бы сцену у фонтана из бессмертного «Бориса Годунова»? По-моему, такой школы нет. Первая средняя школа Чистополя не была исключением и, заканчивая ее, на прощальном вечере я в костюме Самозванца, путаясь в сабле, вел трудный разговор с моей Мариной. А потом — Казань, институт, студенческая самостоятельность. Летели годы учебы, и с каждым из них крепло внутри: «Не тому учусь. Мое дело — театр». Бросить институт? Страшно. А вдруг ошибусь, вдруг, все это — несерьезная блажь? Да и есть ли способности настоящие, кто это может сказать?

Все свои сомнения и муки я принес к художественному руководителю Казанского ТЮЗа Г. Г. Гвиневу. Он понял и разрешил попробовать — при условии, однако, что институт я не бросаю. По окончании учебы и

чу Кондратьеву. Он играл роль Владимира Ильича Ленина в новом спектакле.

До начала репетиции больше часа. Я поднимаю руку, чтобы постучать в гримировочную, но в это мгновение распахивается дверь, и заранее приготовленное шутовское приветствие застревает у меня в гортани. Навстречу мне, прищурясь, шагнул Ленин! Я опоздал: Михаил Леонидович уже в гриме. Я смотрю на этого человека, с которым мы чуть ли не на «ты», и чувствую, что не могу, не имею права заговорить, пока он сам не обратится ко мне. Пролетает: «Здравствуйте», тихо отхожу в сторонку. Но артист, хитро пометрив на меня, улыбнулся и, протянув руку, весело, с легкой картавинкой, сказал: «Здравствуйте, товарищи! Как самочувствие?» И настолько сильно было мое потрясение, что я поспешно протянул свою руку и торопливо ответил: «Спасибо, хорошо».

Кто мог знать в тот день, что всего лишь через несколько лет я сам выйду из гримировочной комнаты в костюме и гриме Ильича.

Ваша актерская судьба сложилась таким счастливым образом, что вам довелось создать своеобразную Лениниану. «Незабываемые годы» на краснодарской сцене — это уже зрелое размышление мастера. Расскажите, пожалуйста, о начальном процессе работы над образом Ленина и как этот образ с годами преображался.

В 1953 году, когда Казанский Большой драматический театр работал над пьесой Попова «Семья», мне была поручена роль Володи Ульянова. Не каждому исполнителю роли Ленина представлялась возможность «прожить жизнь» мальчика Володи, а уж потом, имея за спиной этот опыт, пробовать создать образ вождя. Признаюсь, на первых порах я растерялся. Что же отличало Володю от его сверстников? Очевидно, гениальность? Но гениальность не имеет единого внешнего образа. Как же ее играть? Режиссер спектакля Е. А. Простов осторожно направил меня на иной путь. Для начала он заявил, что мы не будем играть «гениального» Володю. Пусть это будет мальчик с присущими всем ребятам этого возраста качествами (только у него они доведены до большей остроты, конкретности и силы).

Первое, что уже само бросалось в глаза, — основное и главное, что всегда во все годы отличало Владимира Ильича — обостренное внимание к людям, к их судьбам, мыслям и чувствам, громадный интерес ко всему, что происходит вокруг. Какую острую мысль и какую заботу о человеке несет в себе каждый документ, написанный Ильичем!

Через шесть лет я снова встретился с дорогим для меня образом в спектакле «Третья, патетическая». Вместе с режиссером Э. М. Бейбутовым мы искали путь, как показать, что Ленин был великим человеком, но человеком. Когда я воспроизвожу на сцене образ Ленина, то в моей задаче актера лежит желание сказать зрителю: «Постарайся стать в своих помыслах и делах похожим на этого человека, проживи свою жизнь по тем же законам, по каким жил он».

Мне очень дорога республиканская премия имени Тукая, которой была отмечена работа в этом спектакле.

Впоследствии я сыграл роль Ильича в «Кремлевских курантах» и в спектакле «Между ливнями». В последнем трудность состояла в том, что на протяжении тридцати пяти минут идет монолог Ильича и нет общения с партнерами.

Разумеется, трактовка одного и того же образа с годами меняется. Вместе с миропознанием идет углубление, развитие роли. Более лаконичным становится внешний рисунок образа за счет его внутренней наполненности. Это процесс длительный, который происходит годами.

Я думаю, ни один исполнитель роли Ленина не может сказать, что он создал совершенный образ, нет такого исполнителя. Работа эта необъятна, как необъятен был сам Ильич.

Николай Сергеевич, за десятилетия работы в театре вы сыграли великое множество ролей. Разных. Если с вершинами сегодняшнего дня посмотреть на своих героев, не смогли бы вы выделить среди них наиболее

ВСТРЕЧИ с образом Ленина сопровождали Н. С. Провоторова на всем творческом пути. За создание образа Ильича в спектакле «Незабываемые годы» по трилогии Н. Погодина и исполнение роли Бармина в спектакле «Человек и глобус» В. Лаврентьева народному артисту РСФСР Николаю Сергеевичу Провоторову присуждена Государственная премия РСФСР 1971 года имени К. Станиславского.

НА СНИМКАХ: (вверху) сцена из спектакля «Незабываемые годы». В роли В. И. Ленина — Н. Провоторов. Рыбаков — артист А. Горгуль; сцена из спектакля «Человек и глобус». Бармин — Н. Провоторов. Ракитский — заслуженный артист РСФСР С. Михалев.

Фото Р. Стратиевской.

